

УДК 82.09–312.6 Набоков
ББК 83.3–8,444 Набоков

Н.С. Степанова

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБΟКОВА

Понятийная составляющая концепта «счастье» в творчестве В.В. Набокова включает гармоническую полноту жизни, свободу, дар творчества, счастье детства, семьи, семейного очага, счастье любви и брака, наслаждение жизнью и ее радостями, отражение персональной истории воспитания и испытания личности. Концепт «счастье» реализует не только семантические, но и аксиологические возможности, отражая как собственные характеристики предмета художественного изображения, так и особенности идиостиля писателя.

Ключевые слова: *концепт, «счастье», В.В. Набоков, автобиографическая проза, литература первой волны русской эмиграции.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-2-112-121

Степанова Надежда Сергеевна – докт. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан Юго-Западного государственного университета
Тел.: +7-961-168-02-24
E-mail: ns-kursk@yandex.ru

© Степанова Н.С., 2020.

Изучение художественных концептов является одним из наиболее интенсивно разрабатываемых направлений современной отечественной филологической науки. Понятие «концепт», теоретически обоснованное в 1993 г. Д.С. Лихачевым, за последние десятилетия прочно вошло в научный обиход и активно используется в лингвокультурологии и лингвоконцептологии (Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия), в философии (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, С.С. Неретина), в психолингвистике (А.А. Залевская, В.А. Пищальникова, Р.М. Фрумкина), в когнитивной лингвистике (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин), в литературоведении (Н.В. Богданова, Л.И. Бронская, Т.И. Васильева, Г.А. Зябрева, С.В. Капустина).

Актуальность нашей работы обусловлена поиском новых ракурсов исследования автобиографической прозы В.В. Набокова и других писателей первой волны русской эмиграции, в частности, таких, как реконструкция художественной проблематики через анализ одного из ключевых концептов. Научная ценность и новизна работы определяется тем, что в ней представлен исследовательский опыт изучения художественного концепта «счастье», выявлена специфика его репрезентации в автобиографической прозе В.В. Набокова; обнаружены новые смыслы, связанные с базовыми категориями национальной жизни. Исследование базируется на ком-

плексном подходе, включающем применение биографического, историко-литературного, функционального, структурного методов, а также метода концептного анализа.

В рамках нашего исследования под термином «концепт» («художественный концепт») мы понимаем «сложное ментальное эмоционально-ценностное образование, которое отражает универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти, выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений, получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений, обладает диалогической, коммуникативной природой, так как рассчитано на знания, память и воображение читателя» [Степанова, 2014, с. 40].

«Счастье» – одна из наиболее значимых универсалий культуры, семантически связанная с представлениями о духовной жизни человека; «отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [Воркачев, 2003, с. 97].

Наше изучение представлений о счастье в автобиографической прозе В.В. Набокова не случайно: в контексте литературно-художественной ситуации первой волны русской эмиграции оно определено самой спецификой автобиографии как произведения, которое пишется на закате жизни и предполагает ее осознание с точки зрения человека, подводящего промежуточные или окончательные итоги. Традиционные задачи: запечатление объективной реальной действительности, конкретного исторического периода и определенных персон, подведение итогов собственной жизни с ее полным осмыслением – решаются с учетом позднейшего опыта повествователя, вглядывающегося в пройденный жизненный путь в поисках ответа на вопросы: был ли он счастлив? счастливо ли он прожил свою жизнь?

Основная лексема, представляющая рассматриваемый концепт в русском языке, – *счастье*. В толковых словарях русского языка закрепились многочисленные значения слова *счастье* и производных от него: *рок, судьба, часть и участь, доля; случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина; благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насыщенная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его* [Толковый словарь Даля, <http://>]; *состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью; успех, удача (преимущ. случайная); участь, доля, судьба* [Толковый словарь Ушакова, <http://>]; *чувство и состояние полного, высшего удовлетворения, успех, удача* [Ожегов, Шведова, <http://>] и др.

Счастье в художественных текстах писателя многогранно и многоаспектно; Б. Бойд считает, что «один из ключей к пониманию Набокова в том, что он многое любил в жизни и умел наслаждаться тем, что любил»

[Бойд, 2001, с. 19], он хотел быть счастливым – и был очень счастлив, а несчастья умел переносить с достоинством. В автобиографии В.В. Набокова «Другие берега», которая выступила в качестве основного материала исследования, концепт «счастье» встречается, без преувеличения, десятки раз и находит воплощение в лексемах различной частеречной принадлежности, например, *счастье, счастливый, счастливейший, по-счастливо, счастливый, счастливо, счастлив, а также несчастье, несчастный, злосчастный* и др. В лирике В.В. Набокова (более чем в 70 стихотворениях) лексемы *счастье/счастье, счастливый, счастлив* и др. встречаются не менее 80 раз: *тонет сердце в счастье; как теперь далеко это счастье душистое! и счастье мне грезится дальше; и я вспомню о солнце, о солнце победном, и о счастье каждого дня; встречал, как счастье, луч начальный и ветер сладостный зари; ты первое страдание и счастье последнее мое; и счастье так ширится воздушно, так полнится сияньем голова* и др. В сферу концепта «счастье» у В.В. Набокова включаются не только родственные слова, но и синонимы: *благодать, благоденствие, благополучие, блаженство, блаженное чувство, (пределная) беззаботность, везение, гармония, идиллия, рай, свобода, удача, успех, фортуна, (щемящее) упоение, философия жизни* и др.

Концепт «счастье» входит в состав оппозиции *счастье – несчастье*, компоненты которой взаимозависимы и имеют взаимообуславливающую природу. В представлении о несчастье существует знание о том, что оно не бесконечно и всегда сменяется счастьем, и наоборот; «русское наивно-языковое сознание отражает древнейшие представления о чередовании явлений и событий, желательных и нежелательных для человека» [Коростова, 2017, с. 91]. Одной из своих героинь (матери главного героя романа «Дар») В.В. Набоков отдал такое суждение: *«И еще я думаю о том, что мне тогда казалось иногда, что я несчастна, но теперь я знаю, что я была всегда счастлива, что это несчастье было одной из красок счастья»* [Набоков, 1990, т. 3, с. 94].

Лексемы, вербализующие концепт «счастье», встречаются в разных частях автобиографического текста и играют разные сюжетно-композиционные роли. Понятийная составляющая концепта «счастье» в прозе писателя включает счастье детства, детство как счастье, счастливое детство; физическое здоровье и душевное равновесие; первую любовь; ожидание счастья; счастье осмысленной интеллектуальной жизни, служения науке; счастье творчества; счастье как ощущение принадлежности мирозданию и др., некоторые из этих значений мы и рассмотрим далее.

Счастье детства, детство как счастье, счастливое детство

Писатели-эмигранты считали, что именно счастливое детство, жизнь в родном доме, в счастливой семье сыграли исключительно важную роль в духовном становлении каждого из них как человека и как художника. Дом – «мир выше обыденного», это «благодатность того дыхания любви, заботы, нежности» [Зайцев, 1999, т. 4, с. 54], которыми окружены маленькие герои: *«Загадочно-болезненное блаженство не изо-*

шло за полвека, если и ныне возвращаюсь к этим первичным чувствам. Они принадлежат гармонии моего совершеннейшего, счастливейшего детства» [Набоков, 1990, т. 4, с. 139]; «лампа над столом, Гоголь, близкие вокруг, большой уютный дом, поля, леса России – счастья этого он не мог еще понять, но и забыть такого вечера уже не мог» [Зайцев, 1999, т. 4, с. 54]; «бездной зияла моя нежная любовь к отцу – гармония наших отношений <...> и тот повседневный обмен скрытыми от других семейными шутками, которые составляют тайный шифр счастливых семей» [Набоков, 1990, т. 4, с. 246].

В.В. Набоков принадлежал к одной из богатейших семей и в пятнадцатилетнем возрасте получил в наследство «миллионное состояние и петербургское <...> имение Рождествено с этой белой усадьбой на зеленом холму, с дремучим парком за ней, с еще более дремучими лесами, синеющими за нивами, и с несколькими стами десятин великолепных торфяных болот» [Набоков, 1990, т. 4, с. 169], которые оставил ему по завещанию его дядя по матери, В.И. Рукавишников. Однако писатель неоднократно подчеркивал, что состояние счастья в детстве и юности не определялось именно материальным достатком, что общее материальное благополучие семьи, на фоне которого «никакое наследство не могло особенно выделиться», не было причиной «какого-либо добавочного удовольствия от вещественного владения домом и дебрями, которыми и так владела душа», или какой-либо досады, «когда “большевицкий” переворот это вещественное владение уничтожил в одну ночь» [Набоков, 1990, т. 4, с. 170]. Поэтому В.В. Набоков считал необходимым разъяснять – и неоднократно, – что счастье или несчастье для него «никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов потому, что они, мол, украли у него деньжата и десятины» [Набоков, 1990, т. 4, с. 169].

Эта осознанная позиция является воплощением «культурно значимой русской идеи о приоритете внутреннего, духовного, над внешним, материальным» [Коростова, 2017, с. 94]. Тезис одного из второстепенных героев романа «Дар», вся философия жизни которого сократилась до простейшего положения «бедный несчастлив, богатый счастлив», В.В. Набоков даже не опровергает, потому что, с точки зрения писателя, не о чем говорить с человеком с таким жизненным кредо. Автобиографические герои В.В. Набокова (лирический герой автобиографии «Другие берега», Ганин, Мартын Эдельвейс, Федор Годунов-Чердынцев) – «свободные, счастливые и нищие эмигранты» [Набоков, 1990, т. 4, с. 296], которые с веселой жизнерадостностью, с ощущением жизни, «битком набитой всяким счастьем», любят свой XX век и находят счастье не в имущественном благополучии, а в свободе и ценностях другого порядка.

Счастье – это физическое здоровье, которое до поры может и не осознаваться; ощущение счастья, блаженства, легкости и покоя приходит в процессе выздоровления после тяжелой болезни: «После долгой болезни я лежал в постели, размаянный, слабый, как вдруг нашло на меня блаженное чувство легкости и покоя» [Набоков, 1990, т. 4, с. 148].

Счастье – это и ожидание счастья: «...вечное ожидание: ожидание не только счастья, какой-то особенной полноты его, но еще и чего-то такого, в чем (когда настанет оно) эта суть, этот смысл вдруг наконец обнаружится» [Бунин, 2006, т. 5, с. 132–133].

Счастье приносит первая любовь, неповторимая и незабвенная, ослепительная и упоительная: «По истечении почти сорока лет я без труда восстанавливаю <...> незабвенную колоннаду заднего фасада, под романтической сенью которой сосредоточились в 1915 году счастливейшие часы моей счастливой юности»; «нас упоительно обволокло молодое лето» [Набоков, 1990, т. 4, с. 168–169, 265].

Счастье – в творчестве, творчество – это счастье

Особенно отчетливо это предстает в романе «Дар» – книге о смысле и процессе творчества, о рождении и нарастании творческого сознания, о писательском даре и труде, о становлении поэта. Роман занимает особенное место в творчестве писателя уже потому, что ко времени его написания В.В. Набоков осознал масштабы своего дарования, заметил скорость движения своего таланта, «возмужание дара» [Набоков, 1990, т. 3, с. 293]. Главный герой романа – молодой русский писатель-эмигрант Федор Годунов-Чердынцев, – несомненно, автобиографический герой, и чувства, которые он переживает, – тоже автобиографические: «ощущение счастья исключительной чистоты» (от того, что вышел поэтический сборник Федора); «к счастью, о котором мне знать рано (только и знаю, что оно будет с пером в руке)»; «все последние дни он жил счастьем книги»; «к блаженному туману, в котором плыла его настоящая жизнь, к сложному, счастливому, набожному труду, занимавшему его вот уже около года»; «от задуманного труда веяло счастьем, он спешкой боялся это счастье испортить, да и сложная ответственность труда пугала его, он к нему не был еще готов»; «моросивший дождь казался ослепительной росой, счастье стояло в горле, радужные ореолы дрожали вокруг фонарей, и книга, написанная им, говорила с ним полным голосом, все время сопутствуя ему, как поток за стеною» [Набоков, 1990, т. 3, с. 8, 24, 51, 75, 87, 190].

Счастье писателя, у которого есть «свой» читатель, – «хороший читатель, читатель отборный, соучаствующий и созидающий» [Набоков, 1998, с. 25]. В известном смысле, творчество В.В. Набокова действительно требует подготовленного, «хорошего» читателя, оно давно признано «элитарным чтением», но какова награда! «Мастер лезет вверх по нехоженому склону, там, на ветреной вершине, встречает – кого бы вы думали? – счастливого и запыхавшегося читателя, и они кидаются друг другу в объятия, чтобы уже вовек не разлучаться – если вовеки пребудет книга» [Набоков, 1998, с. 25].

Счастье осмысленной интеллектуальной жизни, счастье служения науке, которое не зависит от внешних обстоятельств.

В «Даре» – это тайная встреча в разгар первой мировой войны трех профессоров (фактически – граждан воюющих государств: русского,

немца и англичанина) в маленьком номере скромного отеля для ученого совещания о многотомном научном труде, упорно продолжавшем издаваться в Штутгарте. В реальной жизни и в автобиографии – энтомологические исследования, составление шахматных задач: *«На покатых полянках райски-зеленого сада Федор, страдальчески скалясь (тряслись от счастья руки), ловил южных бабочек»* [Набоков, 1990, т. 3, с. 116]; *«однажды, в 1940 году, в Нью-Йорке, где сразу по прибытии в Америку мне посчастливилось окунуться в суший рай научных исследований»*; *«но чего бы я ни сказал о задачном творчестве, я вряд ли бы мог до конца объяснить блаженную суть работы»* [Набоков, 1990, т. 4, с. 163, 290].

Счастье как ощущение принадлежности мирозданию

С одной стороны, *счастье* – это гармонические взаимоотношения человека и природы. В автобиографической прозе неоднократно встречаем лирические зарисовки утра в усадьбе, передающие «не только и не столько ощущение радости бытия маленького мальчика, сколько сегодняшнее счастье повествователя от претворенной в художественную реальность памяти о повседневно виденном в детские годы» [Степанова, Коковина, Самофалова, 2012, с. 168]. В воспоминаниях В.В. Набокова Россия предстает как Россия-миф, Россия-сад; в своей автобиографической прозе он создал идиллически-мифологизированный образ дворянской усадьбы. Мир усадебного детства был счастлив, спокоен и размерен: *«Сад в бело-розово-фиолетовом цвету, солнце натягивает на руку ажурный чулок аллеи – все цело, все прелестно, молоко выпито, половина четвертого. Mademoiselle читает нам вслух на веранде, где циновки и плетеные кресла пахнут из-за жары вафлями и ванилью»*; *«Все так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрет»* [Набоков, 1990, т. 4, с. 191, 173].

Усадьба дарила удовольствия времяпрепровождения: пешие и велосипедные прогулки, хождение по грибы – *«ревниво сдержанное упоение, грибное счастье»* [Набоков, 1990, т. 4, с. 152], а также греблю, плавание, теннис, крокет, стрельбу из лука, верховую езду, решение шахматных задач, традицию чтения на веранде и, конечно, – бабочек: *«И высшее для меня наслаждение – вне дьявольского времени, но очень даже внутри божественного пространства – это наудачу выбранный пейзаж, все равно в какой полосе <...> – словом, любой уголок земли, где я могу быть в обществе бабочек и кормовых их растений. Вот это – блаженство»* [Набоков, 1990, т. 4, с. 213].

С другой стороны, *счастьем* становится осознание принадлежности мирозданию, чувство подчинения непостижимому замыслу творца, неких высших сил, которые все продумали и все устроили: *«постоянное чувство, что наши здешние дни только карманные деньги, гроши, звякающие в темноте, а что где-то есть капитал, с коего надо уметь при жизни получать проценты в виде снов, слез счастья, далеких гор»*; *«очень редкое и мучительное, так называемое чувство звездного неба»* [Набоков, 1990, т. 3, с. 146–147], когда кажется, что вот-вот – и откроется Божий промы-

сел, когда «дается смертному редкий случай заглянуть за свои пределы <...> наяву, когда мы в полном блеске сознания, в минуты радости, силы и удачи – на мачте, на перевале, за рабочим столом»; «есть нечто, не совсем поддающееся определению <...> Это вроде мгновенного трепета умиления и благодарности, обращенной <...> – не знаю, к кому и к чему, – гениальному ли контрапункту человеческой судьбы или благосклонным духам, балующим земного счастливица [Набоков, 1990, т. 4, с. 157, 213].

И что делать земному человеку с этими подарками жизни? «Употребить немедленно для составления практического руководства “Как быть Счастливым”? Или глубже, дотошнее: понять, что скрывается за всем этим, за игрой, за блеском, за жирным, зеленым гримом листвы? А что-то ведь есть, что-то есть! И хочется благодарить, а благодарить некого. Список уже поступивших пожертвований: 10.000 дней – от Неизвестного [Набоков, 1990, т. 3, с. 294–295]. Автобиографический герой считает, что для этого необходимо одиночество, и признается: «Я рано понял то, что так хорошо поняла мать в отношении подберезовиков: что в таких случаях надо быть одному. В течение всего моего детства и отрочества я маниакально боялся спутников» [Набоков, 1990, т. 4, с. 206].

Переживание одиночества под звездным небом в тишине мироздания (в отличие от переживаний лермонтовского лирического героя) дает главному герою ощущение правильности выбранного пути: «со страстной завистью я смотрел на лилипутского аэронавта, ибо в гибельной черной бездне, среди снежинок и звезд, счастливцев плыл совершенно отдельно, совершенно один» [Набоков, 1990, т. 4, с. 176]; «Глеб был один – и счастлив. Звезды его видели. Господь благословлял» [Зайцев, 1999, т. 4, с. 386–387].

Как видим, обращение к категории счастья в автобиографической прозе В.В. Набокова, как и других писателей первой волны русского зарубежья, было непосредственно связано с эстетическими поисками художников, стремившихся ответить на вопрос о смысле и ценности субъективного бытия, подвести итоги «счастливого и мучительного путешествия, которым обернулась вся его жизнь» [Набоков, 1990, т. 2, с. 158].

В автобиографической прозе В.В. Набокова «счастье» – важнейший элемент, выполняющий смыслообразующую и сюжетобразующую роль. Понятийная составляющая концепта *счастье* в прозе писателя включает устойчивость и гармоническую полноту жизни, блаженство и щемящее упоение воспоминаний, свободу, дар творчества, гармонию и милость судьбы, счастье детства и счастье семьи, семейного очага, счастье любви и счастье в браке, любовь как способность любить, наслаждение жизнью и ее радостями, гармонию уравновешенности русского прошлого и эмиграции, отражение личной истории воспитания и испытания личности.

Рассмотрение моделирования и понимания мира художником слова дает возможность говорить о ценностных ориентациях в творческих исканиях писателя. Как единица художественного текста концепт «сча-

стве» реализует не только семантические, но и аксиологические возможности, отражая как собственные характеристики предмета художественного изображения, так и особенности идиостиля В.В. Набокова.

У В.В. Набокова как у писателя и человека «было два великих дара: литературный гений и гений счастья» [Бойд, 2001, с. 19]. Получив подлинно гуманистическое воспитание, будучи европейски образованным человеком, гениальным обладателем всеобъемлющей памяти, он утверждал в своей собственной жизни и в своем творчестве тип личности самодостаточной, не ориентирующейся на стереотипы массового сознания, способной сохранить достоинство в критических условиях и быть счастливым в качестве личности, художника, семьянина, гражданина мира, что и нашло свое выражение в индивидуально-авторском содержании концепта «счастье».

Литература

Бойд В. Владимир Набоков. Русские годы: биография. М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.

Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006.

Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): монография. Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=39717> (дата обращения 25.11.2019).

Зайцев Б. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1999. 624 с.

Коростова С.В. Концепты *радость* и *страдание* в русской лингвокультуре // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2017. № 4. С. 88–96.

Набоков В.В. О хороших читателях и хороших писателях // Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая Газета, 1998. С. 23–32.

Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] – URL: http://lib.ru/DIC/OZNEGOW/ozhegow_s_q.txt (дата обращения 25.11.2019).

Степанова Н.С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья: к постановке вопроса // Изв. Юго-Западного гос. ун-та. Серия Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С.38–42.

Степанова Н.С., Коковина Н.З., Самофалова Е.А. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX – первой половины XX века: монография. Курск: ООО «Учитель», 2012. 246 с.

Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=75807> (дата обращения 25.11.2019).

References

Bojd V. *Vladimir Nabokov. Russkie gody: biografiya*, M., Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Simpozium, 2001. 695 p. (In Russian).

Bunin I.A. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 13 t. M.: Voskresen'ye, 2006. (In Russian).

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Elektronnyi resurs] – Available at: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=39717> (accessed 25.11.2019). (In Russian).

Korostova S.V. Kontsepty radost' i stradaniye v russkoi lingvokul'ture, *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filol. nauki*, 2017, no. 4, pp. 88–96. (In Russian).

Nabokov V.V. O khoroshikh chitatel'nykh i khoroshikh pisatel'nykh. *Nabokov V.V. Lektsii po zarubezhnoi literature*, M.: Izd-vo «Nezavisimaya gazeta», 1998, pp. 23–32. (In Russian).

Nabokov V.V. *Sobr. soch.* V 4 t. M.: Pravda, 1990. (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Elektronnyi resurs] – Available at: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegov_s_q.txt (accessed 25.11.2019). (In Russian).

Stepanova N.S. Kontseptosfera «put' zhizni» v avtobiograficheskoy proze pervoy volny russkogo zarubezh'ya: k postanovke voprosa, *Izvestiya YUGO-Zapadnogo gos. Un-ta. Seriya Lingvistika i pedagogika*, 2014, no. 4, pp. 38–42. (In Russian).

Stepanova N.S., Kokovina N.Z., Samofalova Ye.A. *Antropologicheskii diskurs kategorii pamyati v avtobiograficheskikh tekstakh kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka: monografiya*, Kursk: OOO «Uchitel'», 2012, 246 p. (In Russian).

Tolkovyi slovar' Ushakova, [Elektronnyi resurs] – Available at: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=75807> (accessed 25.11.2019). (In Russian).

Vorkachev S.G. *Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh kontseptov «lyubov'» i «schast'ye» (russko-angliyskiye paralleli): monografiya*, Volgograd: Peremena, 2003, 164 p. (In Russian).

Zaytsev B. *Sob. soch.*: V 5 t., t. 4. M.: Russkaya kniga, 1999, 624 p. (In Russian).

Nadezhda S. Stepanova (Kursk, Russian Federation)

Concept «Happiness» in the Autobiographical Prose of Vladimir Nabokov

«Happiness» is one of the most significant cultural universals, semantically related to the concepts of the spiritual life of a man, the most important element performing meaning-forming and plot-forming role in an artistic work.

The study of the reflection of notions about happiness in the autobiographical prose of V. Nabokov in the context of the literary and cultural situation of the first wave of Russian emigration is defined by the specifics of autobiography as a text that is created at the end of life and involves its recognition from the point of view of a person summing up intermediate or final results.

The article analyzes the artistic concept «happiness» in the autobiographical prose of V. Nabokov; it determines its individual author's content that is correlated with the general cultural content of the concept. The article is devoted to the study of the concept «happiness» as a complex emotional and value formation which reflects the universal artistic experience, recorded in the cultural memory, expresses the individual author's understanding of the essence of objects and phenomena.

The conceptual component of the word «happiness» in the creativity of V. Nabokov includes the harmonious fullness of life, freedom, the gift of

creativity, the happiness of childhood, family, the hearth, the happiness of love and marriage, the enjoyment of life and its joys, a reflection of the personal history of upbringing and testing. The concept «happiness» implements not only semantic, but also axiological possibilities, reflecting both the own characteristics of the subject of the artistic image and the features of idiostyle of the writer.

Key words: *concept, «happiness», V. Nabokov, autobiographical prose, literature of the first wave of Russian emigration.*

Nadezhda S. Stepanova – grand Ph.D. of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian language and General educational disciplines for foreign citizens, Professor, Southwest State University. Phone: 8-961-168-02-24; E-mail: ns-kursk@yandex.ru